

настолько, что новая немецкая техника почти лишилась своих преимуществ: мы вели огонь с близкого расстояния, с короткой дистанции, поражая этих «тигров» и «пантер» сбоку, сзади... Я вот это говорю две – три минуты. По тогдашним ощущениям я тоже думал, что бой длится недолго. А прошли часы! Часы непрерывных выстрелов, взрывов, горящих машин. Бомбовых ударов... За эти самые первые часы немцы потеряли 415 танков, из них 110 «тигров» и прочего зверья. У нас тоже потери были большие. «Тридцатьчетверка» – танк замечательный, но их-то у нас было чуть больше половины! Остальные – старые легкие танки БТ. Вот такой состав был с нашей стороны. Но ударной силой, кулаком были 150 наших «тридцатьчетверок» 2-го гвардейского корпуса, которые и пошли в сквозную атаку по сигналу с командного пункта.

Понимаете, всей картины я рассказать не могу. Ведь это схлестнулись две стальные лавины! Чтобы понять хоть чуть-чуть, что там было, представьте наш город, город Буй. Ну, какую территорию он занимает? И вот примерно на такой территории бились насмерть более полутора тысяч танков! Полутора тысяч! Наши «бетушки», конечно, горели чаще, чем Т-34. Вообще в памяти стоит только огонь. Огонь, огонь... Горели танки, земля горела, люди выскакивали из машин огненными факелами... Горело все, что может гореть. Танки сбились в гигантский клубок, и каждый командир машины мог видеть только ближайшую цель...

Снаряды заканчивались. В этом сражении наши танкисты около тридцати раз применили танковый таран. Около двух часов дня пришлось таранить и нам.

В ходе боя я же слушаю переговоры экипажа. Вдруг слышу: стрелок – радист кричит. Разобрал, что командиру: «Лейтенант! Смотри на двадцать шестую!» А двадцать шестая – это машина командира батальона нашего была. Он вел бой с короткой остановки и не видел, что к нему сбоку приближается «тигр». Почему-то он не открывал огня – то ли боеприпасы кончились, то ли подходил поближе, чтобы наверняка. Ну, знаете, на войне, как на войне. Еще несколько секунд и он мог расстрелять наш танк в борт. И тогда командир нашего танка поднял вверх кулак и опустил. А это был у танкистов общепринятый сигнал – идем на таран.

Вообще-то танковый таран применяется редко. Но в таком сражении, когда все дело решают секунды, другого способа остановить этого «тигра» не было. Тут и думать было некогда. Я прибавил скорости и на 50- 60 километрах в час вся наша машина врезалась немцу в борт...

Что произошло – можете себе представить. Удар получился такой силы, что наш танк поднялся на дыбы и лег гусеницами на броню «тигра». У них сорвало башню, экипаж погиб. У нас тоже все были ранены и контужены, но мы-то были готовы к удару, а они – нет. Вот и поломались у них позвонки... Еще хорошо, что командир наш успел дать команду открыть люки. Если бы с закрытыми пошли, то их обязательно заклинило бы. А так смогли нас достать, не сгорели.

Впрочем, как доставали, – не помню ничего...